

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ИЗДАНА В 29 СТРАНАХ

КНИГИ, КОТОРЫЕ
ВДОХНОВЛЯЮТ

Дикая

**ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
КАК СПОСОБ ОБРЕСТИ СЕБЯ**

Долгожданная экранизация от студии
Fox Searchlight Pictures, удостоенная
двух номинаций на премию «Оскар»

Шерил Стрэйд
Дикая. Опасное путешествие
как способ обрести себя
Серия «Проект TRUE STORY. Книги,
которые вдохновляют (ЭКСМО)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702666

Шерил Стрэйд. Дикая. Опасное путешествие как способ обрести себя:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70058-5

Аннотация

Когда жизнь становится черно-белой, когда нечего терять, нет ни цели, ни будущего, ни желания жить, люди порой решаются на отчаянные поступки. Потеряв мать, разрушив свой брак и связавшись с наркоманом, Шерил дошла до той черты, за которой зияла бездна. Ей нужна была веская причина, чтобы начать новую жизнь, перестать заниматься саморазрушением и попытаться спасти себя. И она в одиночку отправилась в пешее путешествие длиной 1770 км. Поход Шерил был не только трудным, но и опасным. Ей пришлось пройти 27 километров по палящей пустыне лишь с небольшим запасом воды, совершить несколько дневных переходов длиной 30 километров, пройти по

узкой тропе, расположенной выше 2 тысяч метров над уровнем моря, взобраться на заснеженную гору с рюкзаком весом 36 килограммов. Но что было сложнее – выдержать тяжелейшие условия или найти ответы на свои вопросы?

Откровенный и эмоциональный рассказ женщины, преодолевшей себя, вдохновляет на наведение порядка в собственной жизни. Чтобы прийти к себе, не обязательно отправляться в путешествие, иногда достаточно лишь взглянуть со стороны на то, как это уже кто-то сделал. Полное опасностей приключение позволило Шерил кардинально изменить свою жизнь, обрести душевное равновесие и гармонию.

Содержание

Серия «Психология. Перекресток судьбы»	6
Отзывы о книге «Дикая. Опасное путешествие как способ обрести себя» Шерил Стрэйд	9
Примечание от автора	12
Пролог	14
Часть первая. Десять тысяч вещей	21
1. Десять тысяч вещей	21
2. Расставание	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Шерил Стрэйд
Дикая. Опасное
путешествие как способ
обрести себя

*Посвящается Брайану Линдстрому и нашим
детям, Карверу и Бобби*

Серия «Психология. Перекресток судьбы»

КНИГИ СЕРИИ
«ПСИХОЛОГИЯ. ПЕРЕКРЕСТОК СУДЬБЫ»

«Дикая. Опасное путешествие как способ обрести себя»

Автор: Шерил Стрэйд

Для ценителей качественной прозы, любителей вдумчивого чтения. История женщины, в одиночку прошедшей пешком по дикой глуши Маршрут Тихоокеанского хребта, которая поразила мир. Книга – бестселлер с множеством наград!

«Бог никогда не моргает. 50 уроков, которые изменят твою жизнь»

Автор: Регина Бретт

Книга, в которой Регина Бретт превратила свои знаменитые 50 уроков в глубоко личные, иногда смешные и часто трогательные эссе. Эта эмоциональная книга заставит читателей задуматься о своей жизни и поможет сделать ее чуточку лучше.

«Последняя лекция»

Автор: Рэнди Пауш

Рэнди Пауш написал «Последнюю лекцию», когда узнал, что жить ему осталось несколько месяцев. Это рассказ о том, как надо жить. Как ценить каждое мгновение. Как трепетно относиться к детским мечтам. Как жить так, чтобы не терять ни секунды драгоценного времени. Это шанс каждому из нас, имеющему впереди долгие-долгие годы, понять уже

сейчас: что я должен успеть?

«Жизнь без границ. Путь к потрясающе счастливой жизни»

Автор: Ник Вуйчич

Книга Ника Вуйчича, родившегося без рук и ног. Это вдохновляющий, эмоциональный рассказ о том, как преодолеть трудности, отчаяние, поверить в себя и стать счастливым. В своей книге Ник сформулировал правила жизни, которые помогли ему, и теперь он делится ими с читателями.

«Неудержимый. Невероятная сила веры в действии»

Автор: Ник Вуйчич

Вторая книга известного оратора, автора бестселлера «Жизнь без границ» – Ника Вуйчича, родившегося без рук и ног. В книге Ник говорит о проблемах и трудностях, с которыми мы сталкиваемся ежедневно и объясняет, как преодолеть эти сложности и стать неудержимым.

Отзывы о книге «Дикая. Опасное путешествие как способ обрести себя» Шерил Стрэйд

«Дикая» – книга гневная, отважная, самопознавательная, искупительная, захватывающая и блестяще написанная. Я думаю, она обречена на любовь многих людей, мужчин и женщин, на многие годы вперед».

Ник Хорнби, автор бестселлеров «Hi-Fi» и «Мой мальчик»

«Эта книга меня практически уничтожила. Чтение последней ее трети заставило докатиться до слезливого крестинизма. «Дикая» так же отвязна, сексуальна и мрачна, как ранние песни Люсинды Уильямс. Она проникнута панковским духом и земным, американским звуком. Нелегкая жизнь Шерил сделала ее неистойвой и забавной; она вбивает свои нелегко доставшиеся предложения в разум читателя, точно гвозди».

Дуайт Гарнер, *The New York Times*

«Мужественная» – вот верное слово для описания характера этой женщины и ее книги... Путь Стрэйд – это нечто исключительное».

San Francisco Chronicle

«Опустошительная и великолепная... Эта книга решительно обнажает великую истину «взрослости» – истину о том, что многие вещи в жизни оказываются не такими, как нам хочется, и что их все равно можно и должно пройти и пережить. «Дикая» – лучшая книга о «поисках себя».

Slate

«Пронзительная и выразительная... У Стрэйд есть замечательный дар, о котором мечтает каждый писатель, – говорить именно то, что она думает, в строках лаконичных и поэтичных; врожденный талант выражать экзистенциальный страх – и благодарность, приходящую после того, как мы его одолеем».

The Washington Post

«Яркий, трогательный и в высшей степени воодушевляющий рассказ об одной рушащейся жизни и о пути, который вновь собирает ее в единое целое».

The Wall Street Journal

«Стрэйд ведет хронику своего героического похода с такой эмоциональной силой, которая не позволяет отложить книгу в сторону. В этом походе и потом, многие годы спустя – в писательстве, – Стрэйд вновь находит свою дорогу.

И ее путь столь же ослепительно прекрасен, сколь и трагичен».

Los Angeles Times

«Бесстрашная история, рассказанная честной прозой, в которой сочетаются безудержная лиричность и откровенная физичность».

Minneapolis Star Tribune

«Это не Золушка в туристских ботинках, это женщина, выходящая из тьмы душевных терзаний и ошибочных решений с ясным представлением о том, где она побывала. В книге нет недостатка в приключениях и персонажах как согревающих сердце, так и опасных, но Стрэйд сопротивляется искушению преувеличить или подсластить эти моменты. Темп, в котором она разворачивает свое впечатляющее путешествие, безупречен».

The Seattle Times

«Стрэйд пишет отточенными, резкими сценами; ее предложения гудят энергией. Она способна описать жажду лимонада, рожденную трудной тропой, так, как ни один из известных мне писателей... Просто невозможно не болеть за нее».

Карен Р. Лонг, *The Plain Dealer*

Примечание от автора

При написании этой книги я использовала личные дневники и опиралась на воспоминания о том периоде своей жизни, изучала всю возможную фактическую информацию, консультировалась с людьми, фигурирующими в повествовании. Я изменила имена большинства персонажей (но не все) и некоторые идентифицирующие детали, чтобы соблюсти анонимность. В книге нет ни сложных характеров, ни невероятных приключений. Я также опускала какие-то встречи или события, если они не оказывали решающего влияния на подлинность повествования и на его сущность.

КАНАДА

Маршрут Тихоокеанского хребта

ВАШИНГТОН

ОРЕГОН

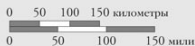
НЕВАДА

КАЛИФОРНИЯ

Пустыня

Мохаवे

ТИХИЙ
ОКЕАН

- Маршрут Тихоокеанского хребта
- поход Шерил Стрэйд

Пролог

Деревья здесь высоки, а я еще выше – над ними, на крутом склоне горы в Северной Калифорнии. Несколько мгновений назад я сбросила с усталых ног свои походные ботинки, и левый свалился в эту чашу. Сначала, когда на него приземлился мой огромный рюкзак, он взмыл в воздух, а затем съехал по покрытой гравием тропе и перелетел через край обрыва. Ботинок отскочил от скального выступа в нескольких футах подо мной, прежде чем окончательно исчезнуть под лесным пологом. И выручить его оттуда не было никакой возможности. Я ошеломленно ахнула, хотя к тому времени провела в дикой глуши 38 дней и уже успела понять, что может случиться все, что угодно, – и непременно случается. Но это не значит, что произошедшее не повергло меня в шок.

Мой ботинок пропал. На самом деле пропал!

Я прижала его братца к груди, как младенца, хотя, разумеется, смысла в этом не было никакого. Что такое один ботинок без другого? Ничто. Бесплезная вещь, сирота отныне и навсегда, и я не могла отнестись к нему с милосердием. Это была здоровенная штука, весьма увесистая, сотворенная фирмой *Raichle*, коричневой кожи, с красным шнурком и серебристыми металлическими застежками. Я подняла его повыше, швырнула изо всех сил и наблюдала, как он падал в пышные древесные заросли – прочь из моей жизни.

Я осталась одна. Босая. Мне двадцать шесть лет, и я тоже сирота. *Настоящая беспризорница*, как заметил один незнакомец пару недель назад, когда я назвала ему свое имя и объяснила, что в этом мире меня ничто не держит. Отец ушел из моей жизни, когда мне было шесть. Мать умерла, когда мне было двадцать два. После ее смерти отчим превратился из человека, которого я считала своим папой, в знакомого, которого я едва узнавала. Брата и сестру рассеяла в разные стороны скорбь, несмотря на все мои попытки удержать семью вместе. И наконец я тоже сдалась и... рассеялась.

В годы, минувшие после этого и до того, как я зашвырнула свой ботинок с обрыва этой горы, я не раз бросала с обрыва и саму себя. Я странствовала, скиталась и бродила – от Миннесоты до Нью-Йорка, от Орегона по всему Западу США. Пока не оказалась здесь, без ботинок, летом 1995 года, не столько свободная от этого мира, сколько привязанная к нему.

Это был мир, в котором я прежде никогда не бывала, однако всегда знала, что он есть. Мир, к которому я брела, спотыкаясь, в скорби, растерянности, страхе и надежде. Этот мир, думала я, сделает меня той женщиной, которой я могла бы стать, и одновременно снова превратит меня в ту девочку, которой я когда-то была. Мир размером 60 сантиметров в ширину и 4285 километров в длину.

Мир, который назывался Маршрутом Тихоокеанского хребта – МТХ.

Впервые я узнала о нем всего за семь месяцев до описываемых событий, когда жила в Миннеаполисе, печальная, отчаявшаяся, на грани развода с человеком, которого все еще любила. Я стояла в очереди в магазине туристического снаряжения, собираясь купить складную лопату. От нечего делать взяла с ближайшей полки книжку под названием «Маршрут Тихоокеанского хребта, часть I: Калифорния» и прочла текст на обороте обложки. МТХ, было сказано там, это непрерывная тропа в дикой местности, протянувшаяся от границы Калифорнии с Мексикой до самой канадской границы и чуть в глубь территории Канады, вдоль гребня девяти горных цепей – Лагуна, Сан-Хасинто, Сан-Бернардино, Сан-Габриель, Льебре, Техачапи, Сьерра-Невада, Кламат и Каскадные горы. Расстояние по прямой составляло около 1600 километров, но сам маршрут был почти втрое длиннее. Пересекая по всей длине штаты Калифорния, Орегон и Вашингтон, МТХ проходит через национальные парки и нетронутые природные территории, через земли, находящиеся в федеральном, племенном и частном владении; через пустыни, горы и тропические леса; пересекает реки и скоростные шоссе. Я перевернула книгу и долго смотрела на лицевую сторону обложки – усыпанное валунами озеро, окруженное скалистыми утесами на фоне голубого неба. Потом поставила ее обратно на полку, заплатила за свою лопату и ушла.

Но позже я вернулась и купила эту книгу. Тогда Маршрут Тихоокеанского хребта еще не был для меня миром. Он был

идеями, смутной и чуждой, полной обещания и тайны. Что-то расцветало внутри меня, когда я вела пальцем по его иззубренной линии на географической карте.

И я решила, что пройду по этой линии. По крайней мере, пройду столько, сколько успею за сто дней. Я тогда жила одна в квартирке-студии в Миннеаполисе, разъехавшись с мужем, и работала официанткой. В жизни моей все было уныло и запутанно, как никогда прежде. Каждый день я чувствовала себя так, будто смотрю вверх со дна глубокого колодца. Но именно в этом колодце я и решила предпринять одиночный поход по дикой местности. А почему бы нет? В своей жизни я уже сменила много ролей. Любящей жены – и жены-изменницы. Любимой – когда-то – дочери, которая теперь проводила выходные в одиночестве. Амбициозной перфекционистки и начинающей честолюбивой писательницы, которая меняла одну бессмысленную работу на другую, опасно заигрывала с наркотиками и спала со слишком многими мужчинами. Я была внучкой пенсильванского шахтера и дочерью сталевара, переквалифицировавшегося в менеджера по продажам. После того как расстались мои родители, я жила с мамой, братом и сестрой в многоквартирных домах, населенных одинокими матерями и их детьми. Подроском я жила в миннесотской глуши (ага, стиль «назад к истокам») в лесном домишке, в котором не было ни туалета, ни электричества, ни водопровода. Несмотря на это, я была капитаном школьной команды болельщиц и короле-

вой бала выпускников. А потом поступила в колледж и стала там предводительницей леворадикальных феминисток студенческого кампуса.

Но женщиной, которая в одиночку пройдет по дикой глуши четыре с лишним тысячи километров, мне еще быть не доводилось. Однако я решила попробовать это осуществить – терять мне было нечего.

Теперь – когда я стояла, босая, на горе в Калифорнии, – казалось, что с тех пор прошли годы. И что это в какой-то другой жизни я безрассудно решила предпринять одиночный поход по МТХ, чтобы спасти саму себя. Тогда-то я думала, что весь мой прежний опыт уже подготовил меня к этому путешествию. Да ничуть не бывало! Единственной возможной подготовкой к следующему дню на тропе был день нынешний. А иногда даже предыдущий день не мог подготовить меня к происходящему.

К тому, например, что мои ботинки безвозвратно канут в Лету, свалившись со склона горы.

Честно говоря, мне даже было их не очень-то жаль. Шесть недель я шла пешком в этих ботинках через пустыни и снега, мимо деревьев, кустов, трав и цветов всех форм, размеров, оттенков. Взбиралась на горные склоны и спускалась с них. Пересекала поляны, луга и такие участки земли, которым я и определенного названия дать не могла – разве только сказать, что я прошла по ним, миновала их. И все это время ботинки набивали мозоли на ногах, стирали их в кровь. Из-

за них ногти на моих пальцах почернели и мучительно отрывались от плоти. К тому времени как я лишилась ботинок, у меня с ними все было кончено, да и они меня едва не прикончили. Хотя, правду сказать, я их полюбила. Они перестали быть неодушевленными предметами. Скорее, стали продолжением меня самой, как и почти все, что я несла с собой в то лето: рюкзак, палатка, спальный мешок, водяной фильтр, сверхлегкая походная плитка и маленький оранжевый свисток, который я взяла с собой вместо пистолета. Это были вещи, которые я хорошо знала и на которые могла положиться. Вещи, которые помогали мне держаться.

Я смотрела на росшие внизу деревья – их высокие верхушки мягко покачивались на жарком ветру. Пусть оставят мои ботинки себе, подумала я, вглядываясь в бескрайнюю зеленую ширь. Я и привал-то решила сделать в этом месте только из-за живописного вида. Была вторая половина дня, середина июля, и на целые километры в любом направлении вокруг меня не было никакой цивилизации. Несколько дней пути отделяли меня от стоявшего на отшибе почтового отделения, где я забрала свою очередную посылку с припасами. Был небольшой шанс, что какой-нибудь другой походевик встретится мне на тропе, но это случалось очень редко. Обычно я шла день за днем, не видя ни единой живой души. Да, собственно, не имело значения, встречу ли я кого-нибудь. Все равно я здесь одна.

Я вгляделась в свои босые сбитые ступни с жалкими

остатками ногтей на пальцах. Они имели призрачно-бледный цвет до линии, проходившей в нескольких сантиметрах выше щиколоток, где заканчивались шерстяные носки, которые я обычно носила. Икры выше этой линии были мускулистыми, загорелыми и покрытыми волосками, припорошенными пылью и украшенными созвездиями синяков и царапин. Я начала поход в пустыне Мохаве и не планировала останавливаться, пока не коснусь рукой опоры моста, который пересекает реку Колумбия на границе между Орегон и Вашингтоном и носит пышное название Мост Богов.

Я бросила взгляд на север, туда, где он должен находиться, – сама мысль о нем была для меня путеводной звездой. Потом посмотрела на юг, туда, откуда я пришла, на дикую землю, которая вышколила и опалила меня, и обдумала возможные варианты действий. Вариант был только один, я это знала. Всегда был только один вариант.

Продолжать идти.

Часть первая. Десять тысяч вещей

*Поломка вещи столь великой
Должна бы вызвать больший треск.*

Уильям Шекспир, «Антоний и Клеопатра»

1. Десять тысяч вещей

У моего одиночного похода по Маршруту Тихоокеанского хребта было множество начал. Сначала возникло первое, легкомысленное решение сделать это. За ним последовало другое, более серьезное – *на самом деле* сделать это. А потом было третье начало, состоявшее из многих недель закупок, упаковывания и подготовки к тому, чтобы сделать это. Был уход с работы в качестве официантки, окончательное решение о разводе, продажа почти всего, чем я владела, прощание с друзьями и последнее посещение могилы матери. Была поездка через всю страну, от Миннеаполиса до Портленда в штате Орегон, а через несколько дней – перелет в Лос-Анджелес. Переезд в город Мохаве и еще один – к тому месту, где МТХ пересекает шоссе.

И уже в этой точке в конце концов началось «делание этого», за которым быстро последовало угрюмое осознание, что

значило «сделать это». А потом решение перестать «делать это», потому что «делание этого» абсурдно, бессмысленно, чудовищно трудно и требовало от меня гораздо больших усилий, чем я ожидала. А я была к этому совершенно не готова.

Однако я действительно начала «делать это» – в реальном мире и реальном времени.

Упорно, несмотря ни на что.

Несмотря на медведей, гремучих змей и помет горных львов, которых я так и не увидела. Несмотря на мозоли, струпы, царапины и ссадины. Несмотря на переутомление и лишения; холод и жару; монотонность и боль; жажду и голод. Несмотря на все великолепие и всех призраков, которые преследовали меня, пока я шла эти 1700 с лишним километров от пустыни Мохаве до штата Вашингтон совершенно одна.

И наконец, когда я действительно прошла все эти километры за все эти дни, пришло осознание: то, что я вначале считала началом, вовсе не было никаким началом. В действительности мой поход по Маршруту Тихоокеанского хребта начался не тогда, когда я приняла скоропалительное решение «сделать это». А тогда, когда я даже вообразить его не могла, а именно – на четыре года, семь месяцев и три дня раньше. Когда я стояла в маленькой палате в клинике Мейо в Рочестере, штат Миннесота, зная, что моя мать умрет.

Я была одета в зеленое. Зеленые брючки, зеленая блузка, зеленый бант в волосах. Это был наряд, который сшила

мама: она шила для меня одежду всю мою жизнь. Некоторые из вещей были точь-в-точь такими, о каких я мечтала; другие – ничего похожего. Я была не в восторге от зеленого брючного костюма, но все равно носила его – как епитимью, как приношение, как талисман.

Весь тот «день зеленого костюма», пока я сопровождала маму и отчима Эдди с этажа на этаж в клинике Мейо, пока она делала один анализ за другим, проходила одно исследование за другим, в моей голове ритмично маршировала молитва. Хотя, пожалуй, «молитва» – неподходящее слово для описания этого марша. Я не была смиренна пред Богом. Я даже не верила в Бога. «Пожалуйста, Боже, смилуйся над нами» – такой молитвы у меня и в мыслях не было.

Я не собиралась просить о милосердии. Я в нем не нуждалась. Моей матери было 45 лет. Она выглядела прекрасно. Уже много лет она была вегетарианкой. Она сажала бархатцы по всему саду, чтобы отпугивать насекомых, вместо того чтобы пользоваться пестицидами. Нас с братом и сестрой она заставляла жевать сырой чеснок, когда у нас была простуда. Такие люди, как моя мать, не заболевают раком. И анализы в клинике Мейо это докажут, посрамяв докторов из Дулута¹. Я была в этом уверена. Да кто они такие вообще, эти дулутские врачи? Что такое Дулут? Ха, *Дулут!* Жалкий захолустный городишка с врачами, которые сами не понимают, что они, черт возьми, говорят. Объявляют некура-

¹ Город в штате Миннесота.

щим сорокапятилетним вегетарианкам, поедающим чеснок, пользующимся исключительно природными средствами, что у них рак легких в последней стадии – вот что такое Дулут.

Да клала я на них с прибором!

Вот это и было моей молитвой: *клаласприборомклаласприборомклаласприбором.*

И все же – вот здесь, в клинике Мейо, моя мать начинает с ног валиться, если ей приходится простоять больше трех минут подряд.

– Хочешь каталку? – спросил ее Эдди, когда мы наткнулись на целый ряд каталок, стоявших в длинном, выстеленном ковром холле.

– Да не нужна ей никакая каталка! – возразила я.

– Только на минуточку, – проговорила мать, почти падая на сиденье, и на миг ее глаза встретились с моими, прежде чем Эдди покатыл ее к лифту.

Я шла сзади, не позволяя себе ни о чем задумываться. Наконец-то мы шли на встречу с последним из врачей. С «настоящим» врачом, как мы между собой его называли. С тем, которому предстояло собрать всю информацию о состоянии моей мамы и сказать, что правда, а что нет. Когда лифт поднялся на этаж, она протянула руку и одернула на мне брючки, пропуская между пальцами зеленый хлопок собственническим жестом.

– Идеально, – проговорила мама.

Мне было 22 года; в таком же возрасте она была беремен-

на мной. Вдруг возникла мысль: она собирается уйти из моей жизни в такой же момент, в который я вошла в ее жизнь. По неясной причине этот приговор полностью оформился в моих мыслях именно тогда, временно изгнав из них молитву «клала с прибором». Я едва не взвыла от муки. Я едва не задохнулась до смерти от того, что поняла прежде, чем узнала наверняка. Мне предстояло прожить остаток жизни без мамы. Все во мне противилось этому. Я не могла позволить себе поверить в это там, в лифте, – и продолжать дышать. Поэтому я разрешила себе верить в другие вещи. Например, в то, что если врач скажет тебе, что ты скоро умрешь, тебя отведут в комнату со сверкающим полированным деревянным столом.

Ничего такого не было.

Нас отвели в смотровую, где медсестра велела матери снять блузку и надеть белую хлопковую рубашку, по бокам которой болтались завязки. Переодевшись, мама взобралась на мягкую кушетку, застеленную белой бумагой. Стоило ей сделать какое-нибудь движение, и всю комнату наполнял шорох и треск бумаги, сминавшейся под ней. Я видела ее обнаженную спину, легкий изгиб плоти ниже талии. Она не умрет. Ее обнаженная спина казалась мне доказательством этого. Я смотрела на этот изгиб в упор, когда «настоящий врач» вошел в комнату и сказал, что моей матери здорово повезет, если она проживет еще год. Он объяснил, что они не станут пытаться лечить ее, поскольку это бесполезно.

Невозможно ничего сделать, сказал он нам. Когда речь идет о раке легких, то, что его обнаруживают на такой поздней стадии, – обычное дело.

– Но она же не курит, – возразила я, будто могла отговорить врача от диагноза. Будто рак был разумным существом и с ним можно было договориться. – Она курила только в юности. Уже много лет она не брала в руки сигарету.

Доктор печально покачал головой и продолжал говорить. Ему нужно было делать свою работу. Они могут попробовать облегчить боль в спине с помощью облучения, сказал он. Радиация может уменьшить размеры опухолей, которые растут вдоль всего ее позвоночника.

Я не плакала. Только дышала. С трудом. Намеренно. А потом забыла, что нужно дышать. Один раз в жизни я упала в обморок – от ярости, в возрасте трех лет, нарочно задержав дыхание, потому что не хотела вылезать из ванны. Я была тогда слишком маленькой, чтобы запомнить это. И *что же ты сделала? Что ты сделала?* – спрашивала я мать на протяжении всего своего детства, заставляя ее снова и снова пересказывать мне эту историю, изумляясь и восхищаясь собственной пламенной силой воли. Она вытянула вперед руки и смотрела, как я постепенно синею, – так она всегда отвечала. Она держала меня на руках, пока голова моя не упала ей на ладонь, после чего я втянула в себя воздух и вернулась к жизни.

Дыши.

– А я смогу ездить на своей лошади? – спросила мать у «настоящего врача». Она сидела, плотно сжав ладони, переплетя лодыжки. Уйдя в хижину из себя самой.

Вместо ответа он взял карандаш, поставил его вертикально на край раковины и с силой ударил им о поверхность.

– Это ваш позвоночник после радиации, – сказал он. – Один рывок – и ваши кости сломаются, как сухое печенье.

Мы ушли в женский туалет. Заперлись в разных кабинках, всхлипывая. Не обменялись ни единым словом. Не потому, что мы были так одиноки в своей скорби. Наоборот, потому что мы были в ней слишком едины, как будто у нас было одно тело вместо двух. Я чувствовала, как мама навалилась на дверь всем весом, колотя по ней слабыми ладонями, заставляя вздрагивать весь ряд туалетных кабинок. Потом мы вышли, чтобы умыться, глядя друг на друга в ярко освещенном зеркале.

Нас отправили ждать в помещение аптеки. Я сидела между матерью и Эдди в своем зеленом костюме, зеленый бантик каким-то чудом все еще держался на моих волосах. Рядом с нами сидел пожилой мужчина с крупным лысым младенцем на руках. Еще была женщина, чья рука беспорядочно раскачивалась, начиная от локтя. Она придерживала ее второй рукой, пытаясь успокоить. Она ждала. Мы тоже ждали. Еще там была красивая темноволосая женщина в кресле-каталке. На ней была лиловая шляпа и целая горсть бриллиантовых колец. Мы глядели на нее во все глаза. Она разговари-

вала по-испански с группой людей, собравшихся вокруг нее; вероятно, то были ее родственники и муж.

– Как думаешь, у нее рак? – громко прошептала мне мать.

Эдди сидел по другую сторону от меня, но я не могла заставить себя взглянуть на него. Если бы я на него взглянула, мы оба сломались бы, как сухое печенье. Я думала о своей старшей сестре Карен и младшем брате Лейфе. О моем муже Поле, о родителях и сестре моей матери, которые жили в тысяче миль от нас. Что они скажут, когда узнают. Как они будут плакать. Теперь в голове у меня звучала другая молитва: *один год, один год, один год*. Эти два слова стучали, как сердце в груди.

Столько осталось жить моей матери.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросила я ее. Из динамиков комнаты ожидания раздавалась песня. Она была без слов, но моя мать знала текст и вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, тихо запела:

– «Бумажные розы, бумажные розы, какими настоящими казались они», – пела она. Накрыла ладонью мою руку и проговорила: – Я слушала эту песню, когда была молода. Так забавно об этом думать! Забавно, что ту же самую песню я слышу сейчас. Мне бы и в голову не пришло...

Потом сестра выкликнула имя моей матери: ее лекарства были готовы.

– Пойди, забери их вместо меня, – попросила она. – Скажи им, кто ты. Скажи им, что ты – моя дочь.

Да, я была ее дочерью – но не только. Я была – Карен, Шерил, Лейф. Карен Шерил Лейф. *КаренШерилЛейф*. Наши имена сливались в одно в устах моей матери всю мою жизнь, сколько я себя помню. Она шептала это имя и выкрикивала, шипела и распевала. Мы были ее дети, ее друзья-товарищи, ее начало и ее конец. Мы по очереди ездили с ней на переднем сиденье в машине. «Насколько я вас люблю – *настолько?*» – спрашивала она нас, раздвигая пальцы на пятнадцать сантиметров. «Нет», – отвечали мы с хитрыми улыбками. «Насколько я вас люблю – *настолько?*» – спрашивала она снова, и снова, и снова, каждый раз раздвигая руки все шире. Но у нее никогда не получалось показать это, как бы широко она ни разводила руки. Количество ее любви к нам нельзя было измерить руками. Его невозможно было выразить численно или в чем-то уместить. Эта любовь была десятью тысячами поименованных вещей из вселенной «Дао Дэ Цзин»² – и еще десятью тысячами вещей сверх того. Ее любовь была громогласной, всеобъемлющей и неприукрашенной. Каждый день она расточала ее без остатка, весь запас.

Она была дочерью кадрового военнослужащего и като-

² Основополагающий источник учения и один из выдающихся памятников китайской мысли, оказавший большое влияние на культуру Китая и всего мира. Основная идея этого произведения – понятие дао – трактуется как естественный порядок вещей, не допускающий постороннего вмешательства, «небесная воля» или «чистое небытие».

личкой. До того момента, как ей исполнилось пятнадцать, она успела пожить в пяти разных штатах и двух графствах. Она обожала лошадей и Хэнка Уильямса, у нее была лучшая подружка по имени Бабс. В девятнадцать лет, забеременев, она вышла замуж за моего отца. Тремя днями позже он зверски избил ее. Она ушла и вернулась. Снова уходила и вновь возвращалась. Она не собиралась с этим мириться – но мирилась. Он сломал ей нос. Он перебил всю ее посуду. Он до костей содрал кожу на ее коленях, волоча ее за волосы по подъездной дорожке среди бела дня. Но он ее не сломал. В двадцать восемь лет она сумела уйти от него – в последний раз.

Она осталась одна, и *Карен Шерил Лейф* ездили с ней на переднем сиденье машины.

К тому времени мы жили в маленьком городке в часе езды от Миннеаполиса, кочуя из одного многоквартирного дома в другой. У всех у них были обманчиво фешенебельные названия: Милл-Понд и Барбери-Нолл, Три-Лофт и Лейк-Грейс-Мейнор. У матери была одна работа, потом ее сменяла другая. Вначале она обслуживала столики в одном кафе, которое называлось «Северянин», потом в другом, «Инфинити», где ее униформа состояла из черной футболки с блестящей надписью «Вперед!» поперек груди. Она работала в дневную смену на фабрике, которая производила пластиковые контейнеры для хранения высокотоксичных химикатов, и приносила бракованные изделия домой – подносы

или коробки, которые были надтреснуты, надколоты или перекособочены машиной. Мы превращали их в игрушки – кровати для наших кукол, гаражи для наших машинок. Она все работала, работала и работала, но мы оставались все такими же бедными. Мы получали от правительства благотворительный сыр и сухое молоко, талоны на продукты и на медицинскую помощь, а в Рождество – бесплатные подарки от благотворителей. Ожидая, пока принесут чеки, мы играли в салочки, и в «красный свет – зеленый свет», и в шарады у почтовых ящиков нашего многоквартирного дома, которые можно было отпереть только специальным ключом.

«Мы не бедны, – говорила моя мать снова и снова. – Ведь мы богаты любовью». Она подмешивала пищевые красители в подслащенную воду и делала вид, что это какой-то особенный напиток. «Сарсапарилья», или «Оранж Краш», или лимонад. Она спрашивала: «Не желаете ли еще одну порцию, мадам?» – с тягучим британским акцентом, который всякий раз вызывал у нас хохот. Она широко разводила руки и спрашивала нас, насколько сильно она нас любит – и этой игре не было конца. Она любила нас больше, чем все поименованные вещи в этом мире. Она была оптимистичной и безмятежной, если не считать нескольких моментов, когда теряла терпение и шлепала нас деревянной ложкой. Или того раза, когда она завопила «Б**дь!» и разразилась рыданиями, потому что мы не желали убирать свою комнату. Она была добросердечной и всепрощающей, великодушной и наивной.

Она встречалась с мужчинами, которых звали как-то вроде Киллер, Дуби и Байкер Дэн, и еще с одним парнем по имени Виктор, любителем горнолыжного скоростного спуска. Они давали нам пятидолларовые банкноты и отсылали в магазин покупать сладости, чтобы улучшить минутку и побыть в квартире наедине с нашей мамой.

«Не забудьте посмотреть в обе стороны, переходя дорогу», – окликала она нас, когда мы выбежали за дверь, как стая голодных бродячих собак.

Познакомившись с Эдди, она не думала, что у них что-то получится, потому что он был на восемь лет моложе ее, но они все равно влюбились друг в друга. Мы с Карен и Лейфом тоже в него влюбились. Ему было двадцать пять, когда мы с ним познакомились, и двадцать семь – когда он женился на нашей матери и пообещал стать отцом для нас. Он был плотником и мог сделать и починить все, что угодно. Мы перестали метаться из одного многоквартирного дома с вычурным названием в другой и переехали к нему, во взятый в аренду изрядно потрепанный фермерский дом. На его первом этаже был земляной пол, а стены снаружи выкрашены четырьмя видами разноцветной краски. Зимой того года, когда наша мать вышла за него замуж, Эдди во время работы упал с крыши и повредил спину. Годом позже они с матерью взяли 12 тысяч долларов, полученные им в качестве выходного пособия, и купили на эти деньги 40 акров земли в графстве Эйткин, в полутора часах езды к западу от Дулута, пол-

ностью оплатив покупку наличными.

Дома там не было. Никто никогда не строил дом на этой земле. Эти 40 акров представляли собой идеальный квадрат, заполненный деревьями, кустарниками, высокими травами, заболоченными прудами и трясинной, заросшей рогозом. Там не было ничего, что отличало бы это место от других деревьев, кустарников, трав, прудов и трясин, которые окружали его на целые мили во всех направлениях. В первые месяцы, заделавшись землевладельцами, мы не раз обходили свою землю по периметру, прокладывая себе путь через дикое запустение на тех двух сторонах квадрата, которые не граничили с дорогой, словно ходить по ней – значило отделить ее от всего остального мира, сделать эту землю своей. И постепенно у нас это получилось. Деревья, которые поначалу казались мне точно такими же, как и все остальные, стали узнаваемыми, как лица старых друзей в толпе. Покачивания их ветвей вдруг приобрели какое-то значение, листья их манили нас, как знакомые руки. Пучки травы и берега ставших теперь знакомыми заболоченных прудов стали межевыми знаками, ориентирами, не различимыми ни для кого, кроме нас.

Мы называли это место «там, на севере», пока продолжали жить в городке в часе езды от Миннеаполиса. В течение полугода мы ездили «туда, на север» только по выходным, яростно трудясь, чтобы приручить этот клочок земли и построить на нем однокомнатную хижину из толя, где мы впя-

тером могли переночевать. А в начале июня, когда мне исполнилось тринадцать, мы окончательно перебрались «туда, на север». Вернее, туда перебрались мама, Лейф, Карен и я. А еще две наши лошади, кошки, собаки и коробка с десятью цыплятами, которых моя мать получила в подарок в магазине кормов для животных за то, что купила двадцатипятифунтовую упаковку корма для кур. Эдди продолжал ездить к нам по выходным все лето, а потом и вовсе перестал приезжать. Его спина окончательно зажила, и он наконец смог снова работать, получив место плотника в самый сезон строительства. Эта возможность была слишком соблазнительной, чтобы ее упустить.

Карен Шерил Лейф снова остались наедине с матерью – как и было все те годы, которые она прожила одиночкой. В то лето, спя или бодрствуя, мы едва ли теряли друг друга из виду и очень редко видели других людей. Мы жили в двадцати милях от ближайших маленьких городков в обоих направлениях: Мус-Лейк располагался на востоке, а Мак-Грегор – на северо-западе. Осенью мы начали ходить в школу в Мак-Грегоре, меньшем из двух городков, с населением в четыре сотни человек. Но все лето, если не считать редких гостей – дальних соседей, которые притормаживали у нашего участка, чтобы представиться, – мы были наедине с мамой. Чтобы убить время, мы дрались, и разговаривали, и подшучивали друг над другом, и устраивали каверзы.

«Кто я такой?» – спрашивали мы друг друга снова и снова,

играя в игру, в которой водящий должен был загадать какого-нибудь персонажа, знаменитого или не очень. А остальные должны были догадаться, о ком идет речь, основываясь на бесконечном числе вопросов. Отвечать нужно было только «да» или «нет»: «Ты мужчина или женщина? Ты американец? Ты мертвый? Ты – Чарлз Мэнсон?»

Мы играли в нее, когда сажали и обустроивали сад на земле, предоставленной самой себе в течение тысячелетий. И когда были заняты в строительстве дома, который мы возводили на другой стороне нашего участка, надеясь, что удастся закончить его к концу лета. Во время работы нас осаждали целые рои moskitov. Но мать запрещала нам пользоваться любыми репеллентами, которые разрушают мозг, загрязняют землю и вредят экологии. Вместо этого она учила нас натирать тело мятным или гвоздичным маслом. По вечерам мы подсчитывали укусы на наших телах при свете свечей, превратив и это в игру. Помню, как-то раз насчитали 79, 86 и 103.

«Когда-нибудь вы меня за это поблагодарите», – всегда говорила мама, когда мы, дети, жаловались на то, что столь многого лишились. Мы никогда не жили в особой роскоши, не дотягивали даже до уровня среднего класса, но тем не менее пользовались всеми удобствами современной эпохи. В нашей квартире всегда был телевизор, не говоря уже о туалете со сливом и о кране, из которого можно было набрать в стакан воды, чтобы попить. Теперь же, в нашем быту

первопроходцев, даже удовлетворение простейших потребностей часто требовало решения утомительной цепи задач, обязательных к исполнению и совершенно бессмысленных. Наша кухня состояла из старого примуса, кругового камина, старомодного ледника, придуманного Эдди, в котором нужно было держать настоящий лед, чтобы хотя бы немного охладить продукты, умывальника, прибитого к наружной стене хижины, и ведра с водой, покрытого крышкой. Каждое из этих приспособлений требовало заботы. За каждым нужно было ухаживать, наполнять и опорожнять, перетаскивать и ставить, накачивать и заряжать, топить и отслеживать.

У нас с Карен была одна постель на двоих на высокой платформе, настолько поднятой к потолку, что на ней едва можно было сесть. Лейф спал неподалеку от нас, на своей платформе, поменьше. А у мамы была постель прямо на полу, и по уик-эндам к ней присоединялся Эдди. Каждый вечер, укладываясь, мы разговаривали, пока сон не накрывал нас с головой. В потолке было световое оконце, которое тянулось во всю длину платформы, на которой спали мы с Карен. От его прозрачной панели до наших лиц оставались считанные сантиметры. Каждую ночь темное небо и яркие звезды были моими спутниками, будоражившими воображение. Порой их красота и безмятежность настолько поражали меня, что я понимала: наша мама права. Когда-нибудь я действительно *буду* ей благодарна. И я действительно была благодарна ей за то, что чувствовала нечто, растущее во мне,

сильное и настоящее.

Именно это нечто проснулось во мне многие годы спустя, когда печали сорвали мою жизнь с якорей. И тогда я поверила, что поход по Маршруту Тихоокеанского хребта будет моим возвращением к личности, которой я когда-то была.

В день перед Хэллоуином мы переехали в дом, который построили из бревен и обрезков дерева. В нем не было ни электричества, ни проточной воды, ни телефона, ни туалета, ни единой комнаты с дверью. Все время, пока я была подростком, Эдди и мама продолжали его достраивать, дополнять, улучшать. Мать засаживала огород и осенью консервировала, мариновала и замораживала овощи. Она делала надрезы на коре кленов и варила из сока кленовый сироп, пекла хлеб, и чесала шерсть, и делала собственные красители для ткани из листьев одуванчика и брокколи.

Я выросла и уехала из дома в колледж в «городах-близнецах»³, носивший имя св. Фомы, но с мамой не рассталась. В письме о моем зачислении было сказано, что родители учащихся могут бесплатно посещать занятия в колледже. Как ни нравилась матери ее жизнь в духе «современных первопоселенцев», она всегда хотела получить диплом о среднем образовании. Мы вместе посмеялись над этой идеей, а потом обдумали ее, каждая в отдельности. Ей уже было сорок. Слишком много, чтобы учиться в колледже, сказала мама, когда мы стали снова это обсуждать. И я не могла с ней

³ Так называют американские города Миннеаполис и Сент-Пол.

не согласиться. Кроме того, до колледжа св. Фомы было три часа езды. Мы все говорили и говорили об этом, пока наконец не заключили сделку: она поедет в колледж, но жить мы будем отдельно, и решать все буду я. Я буду жить в кампусе, а она станет ездить в колледж и обратно. Если наши дорожки в кампусе пересекутся, она не подаст виду, что узнала меня, если только я не поздороваюсь с ней первая.

– Очень может быть, что все это ничем не кончится, – как-то сказала она, когда мы обговаривали детали нашего плана. – Вероятнее всего, я все равно оттуда вылечу.

Чтобы подготовиться, она подражала мне в течение всего последнего года моей учебы в школе, делая все домашние задания, которые мне давали, оттачивая свои навыки. Она копировала мои рабочие тетради, писала те же работы, которые должна была писать я, прочла все нужные книги до единой. Я оценивала ее работу, опираясь на оценки моих учителей как на ориентир. И оценивала ее шансы в лучшем случае на троечку.

Она начала сдавать вступительные экзамены в колледж – и по всем предметам получила отлично.

Иногда, встречая ее в кампусе, я бросалась к ней с бурными объятиями. А иногда дефилировала мимо, как будто она для меня никто.

Мы обе учились на предпоследнем курсе колледжа, когда узнали, что у нее рак. К тому времени это был уже не колледж св. Фомы. Нас обеих перевели в университет Минне-

соты после первого года учебы: ее – в кампус Дулута, меня – в кампус Миннеаполиса. И, к нашему изумлению, мы выбрали общую специализацию. У нее была двойная специализация – женские исследования и история, у меня – женские исследования и английский. По вечерам мы по часу разговаривали с ней по телефону. К тому времени я уже вышла замуж за хорошего человека по имени Пол. Бракосочетание мы провели на нашей земле, и на мне было белое шелковое кружевное платье, сшитое мамой.

После того как она заболела, я забыла о собственной жизни. Сказала Полу, чтобы он на меня не рассчитывал: я буду делать все так, как нужно моей матери. Я хотела бросить колледж, но мама велела мне этого не делать, умоляя, что бы ни случилось, получить диплом. Сама она, по ее собственному выражению, «взяла отпуск». До получения диплома ей осталось прослушать всего пару предметов, и она уверяла, что это сделает. Она получит свой бакалавриат, даже если это убьет ее, сказала она, и мы рассмеялись, а потом мрачно уставились друг на друга. Она будет работать, соблюдая постельный режим. Она будет говорить мне, что нужно печатать, и я стану это печатать. Вскоре она окрепнет достаточно, чтобы начать ходить на оставшиеся лекции, она совершенно точно это знает. Я не бросила колледж, хотя и убедила преподавателей позволить мне присутствовать на занятиях только два дня в неделю. Как только эти два дня заканчивались, я мчалась домой, чтобы быть с мамой. В отличие

от Лейфа и Карен, которые едва могли выносить ее присутствие после того, как она заболела, мне было невыносимо находиться вдали от нее. Кроме того, она нуждалась во мне. Эдди был с ней столько, сколько мог, но ему нужно было работать. Кто-то должен был оплачивать счета.

Я готовила еду, которую мама пыталась есть, но ей это удавалось редко. Ей казалось, что она голодна, а сама сидела, как заключенный в тюрьме, уставившись на еду, лежавшую на тарелке. «Как красиво! – вздыхала она. – Думаю, я смогу поесть попозже».

Я драила полы. Вынула все из шкафов и застелила их новой бумагой. Мать спала, и стонала во сне, и считала, и глотала свои таблетки. В хорошие дни она сидела в кресле и разговаривала со мной.

Говорить было особо не о чем. Она была настолько откровенна и экспансивна, а я настолько пытлива, что мы уже успели переговорить почти обо всем. Я знала, что ее любовь ко мне больше, чем десять тысяч вещей и еще другие десять тысяч вещей сверх этих. Я знала имена лошадей, которых она любила в детстве: Пол, Бадди и Бахус. Знала, что она лишилась девственности в семнадцать лет с парнем по имени Майк. Знала, как она в следующем году познакомилась с моим отцом и каким нежным он был с ней на первых нескольких свиданиях. И как ее отец уронил ложку, когда она сообщила родителям о своей внебрачной подростковой беременности. Я знала, как она ненавидела ходить на исповедь,

как ненавидела те самые грехи, в которых исповедовалась. Как она ругалась и огрызалась в ответ на слова матери, злясь из-за того, что ей приходится накрывать на стол, а младшая сестренка – намного младше ее – в это время играет. Как она, отправляясь в школу, выходила из дома в платье, а потом передевалась в джинсы, которые засовывала в школьную сумку. Все свое детство и отрочество я расспрашивала и расспрашивала, заставляя ее описывать эти сцены снова и снова. Желая знать, кто что и как говорил, что она при этом чувствовала, где кто при этом стоял и какое было время суток. И она рассказывала, то с неохотой, то с удовольствием, хохоча и расспрашивая, с чего бы это вдруг мне захотелось это знать. А я хотела знать. Я не могла объяснить.

Но теперь, когда она умирала, я уже знала все. Моя мать уже была во мне. Не только та часть ее, которую я знала лично, но и та часть, которая была до меня.

Не так уж долго пришлось мне курсировать между Миннеаполисом и домом. Чуть больше месяца. Мысль о том, что мать проживет еще год, быстро превратилась в печальную несбыточную мечту. 12 февраля мы ездили в клинику Мейо. К 3 марта ей пришлось перебраться в больницу в Дулуте, в 113 километрах от Мейо, потому что боли были слишком сильными. Одеваясь перед отъездом, она обнаружила, что не может сама надеть носки, и позвала меня к себе в комнату, попросив помочь. Она сидела на кровати, и я опустилась

на колени перед ней. Я никогда не надевала носки на другого человека, и это оказалось труднее, чем я думала. Они не желали скользить по ее коже. Все время перекручивались. Я разозлилась на мать, будто это она нарочно ставила ноги так, чтобы я не могла надеть на нее носки. Она откинулась назад, опираясь руками на постель, закрыв глаза. Я слушала, как она дышит, глубоко, медленно.

– Черт побери совсем! – в сердцах сказала я. – *Помоги мне.*

Мать смотрела на меня сверху вниз и несколько мгновений не произносила ни слова.

– Милая, – сказала она наконец, глядя на меня, и протянула руку, чтобы погладить по макушке. Этим словом она называла меня все мое детство, произнося его совершенно особенным тоном. *Я не хотела, чтобы так все случилось,* говорило это единственное слово «милая», *но так уж вышло.* Именно это принятие страдания больше всего раздражало меня в матери – ее бесконечный оптимизм и жизнерадостность.

– Идем, – сказала я после того, как мне удалось запихнуть ее ступни в туфли.

Когда она натягивала пальто, движения ее были замедленными и неловкими. Она держалась за стены, идя по дому, и две ее любимые собаки следовали за ней по пятам, тыкаясь носами в ее ладони и одежду. Я видела, как она гладит их по головам. Больше у меня не было молитв. Слова «кляла с прибором» перекатывались у меня во рту, как две сухие

пилюли.

– Прощайте, милые, – сказала она собакам. – Прощай, дом, – проговорила, выходя вслед за мной за дверь.

Мне никогда не приходило в голову, что моя мама умрет. Пока она не начала умирать, у меня и мысли такой не было. Она была цельной и несокрушимой, хранительницей моей жизни. Она должна была стать старухой – и по-прежнему продолжать работать в саду. Этот образ был твердо запечатлен у меня в мозгу. Так же, как те воспоминания детства, которые я заставляла ее пересказывать настолько подробно, что запоминала их так, будто они были моими. Она должна была состариться, но оставаться прекрасной, как черно-белая фотография Джоргии О'Киф⁴, которую я как-то послала ей. Я крепко держалась за этот образ в течение первых двух недель после того, как мы уехали из клиники Мейо. А потом, когда ее перевели в отделение хосписа в Дулуте, этот образ растаял, уступив место другим, более скромным и правдивым. Я представляла свою мать в октябре; я писала эту сцену в своем воображении. Потом я стала представлять ее в августе, потом – в мае. И с каждым прошедшим днем отсекался еще один месяц.

В первый же день, проведенный в больнице, медсестра предложила матери сделать укол морфина, но она отказалась. «Морфин – это то, что дают умирающим, – сказа-

⁴ Американская художница.

ла она. – Морфин означает, что надежды больше нет».

Но она противилась только один день. Она спала и просыпалась, разговаривала и смеялась. Она кричала от боли. Я сидела рядом с ней все дни напролет, а Эдди взял на себя ночи. Лейф и Карен не появлялись, выдумывая отговорки, которые я считала необъяснимыми и отвратительными, хотя похоже было, что их отсутствие не беспокоит мать. Ее не занимало ничто, кроме попыток уничтожить боль – невыполнимая задача в промежутках между дозами морфина. Нам никак не удавалось правильно подложить ей подушки. Однажды днем врач, которого я прежде ни разу не видела, зашел в палату и объяснил, что моя мать «активно умирает».

– Но ведь прошел только месяц, – раздраженно сказала я. – Другой врач говорил нам, что у нас есть год.

Он не ответил. Он был молод, наверное, лет тридцати. Он стоял рядом с моей матерью, засунув в карман холеную волосатую руку, глядя на нее, лежащую в постели:

– С этого момента единственное, о чем нам нужно беспокоиться, – это чтобы ей было комфортно.

Комфортно... И все же медсестры старались давать ей как можно меньше морфина. Среди них был один медбрат, и очертания его мужского достоинства просвечивали сквозь тесные белые форменные брюки. Мне отчаянно хотелось затащить его в маленькую ванную за стенкой, сразу за изножьем материнской кровати, и отдаться ему. Сделать все, что угодно, только бы он нам помог. А еще мне хотелось полу-

читать от него удовольствие, почувствовать вес его тела, ощутить его губы в моих волосах, услышать, как он снова и снова произносит мое имя. Принудить его признать меня, сделать так, чтобы мы для него что-то значили, сокрушить его сердце состраданием к нам.

Когда мама просила у него еще морфина, она говорила таким тоном, какого я никогда от нее не слышала. Как обезумевшая собака. Он смотрел не на нее, когда она повторяла свои просьбы, а на свои наручные часы. На лице его было одно и то же выражение, вне зависимости от того, что он отвечал. Иногда он давал ей дозу без лишних возражений, а иногда говорил «нет» – голосом таким же мягким, как и его член в штанах. Тогда мать принималась умолять и всхлипывать. Она плакала, и слезы ее текли как-то неправильно. Не вниз по впалым щекам к уголкам рта, а к вискам, затекая в уши и в гнездо волос, лежащих на подушке.

Она не прожила этот год. Она не дожила ни до октября, ни до августа, ни до мая. Она прожила 49 дней после того, как врач в Дулуте в первый раз сказал ей, что у нее рак; 34 дня – после того, как это подтвердил врач в клинике Мейо. Но каждый из этих дней был вечностью, и эти вечности накладывались друг на друга – холодная ясность внутри глубокого тумана.

Лейф ни разу не приехал, чтобы навестить ее. Карен приехала один раз, после того как я настояла, что она обязана. Я не понимала, как так может быть, и это разбивало мне

сердце и приводило в ярость. «Мне не нравится видеть ее такой», – слабо промямлила сестра, когда мы с ней разговаривали, а потом разразилась слезами. С братом я поговорить не могла: где он был все эти недели, осталось тайной и для Эдди, и для меня. Одна подруга сказала мне, что он живет у девушки по имени Сью в Сент-Клауде. Другой приятель как-то раз видел его на озере Шериф. Он удил рыбу в полынье. У меня не было времени его искать. Каждый день я была поглощена заботами о маме. Держала перед ней пластиковые тазики, пока ее рвало. Снова и снова поправляла чертовы подушки. Усаживала ее в кровати и помогала переместиться на стульчак, который медсестры поставили у ее кровати. Уговаривала ее съесть малую толику пищи, которую она извергала обратно спустя какие-нибудь десять минут. В основном я смотрела, как она спит, и это было труднее всего – видеть, что даже во сне ее лицо искажено болью. Всякий раз, как она двигалась, капельницы, которыми было увешано все пространство вокруг кровати, раскачивались. А сердце мое пускалось вскачь от испуга, что она выдернет иглы, прикрепленные к трубкам, воткнутые в ее распухшие кисти и ладони.

– Как ты себя чувствуешь? – с надеждой спрашивала я, когда она просыпалась, и протягивала руку между трубками, чтобы пригладить ее разметавшиеся волосы.

– Ох, милая, – вот и все, что она по большей части могла сказать, а потом отворачивалась.

Я бродила по больничным коридорам, пока мама спала, мельком заглядывая в палаты других людей, когда проходила мимо их дверей. Видела стариков с лиловой кожей, которых мучил тяжелый кашель, женщин с бинтами вокруг жирных коленок.

– Как ваши дела? – спрашивали меня медсестры меланхолическими голосами.

– Держимся, – отвечала я, как будто я была – *мы*.

Но я была – только я одна. Мой муж Пол делал все, что в его силах, чтобы я не чувствовала себя настолько одинокой. Он по-прежнему оставался добрым и нежным человеком, в которого я влюбилась несколько лет назад. Тем самым, которого я любила так неистово, что потрясла всех окружающих, выйдя за него замуж, как только мне исполнилось двадцать. Но как только начала умирать моя мать, нечто во мне умерло к Полу, и стало не важно, что он говорил и что делал. И все же я звонила ему каждый день, с платного таксофона из больницы или вернувшись вечером в дом моей матери и Эдди. Мы вели долгие разговоры, я рыдала и рассказывала ему обо всем. И он плакал вместе со мной и пытался хоть капельку облегчить все это, но слова его оставались для меня пустыми. Я словно вообще их не слышала. Что он знает о том, каково это – терять близкого человека? Его родители были живы и счастливы в браке. Мои отношения с ним и его чудесно цельной жизнью, казалось, только усиливали

мою боль. В этом не было его вины. Быть с ним было невыносимо, но точно так же невыносимо было быть с кем угодно другим. Единственный человек, чье присутствие я тогда терпела, был самым невыносимым из всех – моя мама.

По утрам я садилась рядом с ее кроватью и пыталась читать ей. У меня были с собой две книги: «Пробуждение» Кейт Шопен⁵ и «Дочь оптимистки» Юдоры Уэлти⁶. Это были книги, которые мы читали в колледже, книги, которые нам нравились. Я начинала читать – но не могла продолжить. Каждое произнесенное мною слово само себя стирало в воздухе.

То же самое происходило, когда я пыталась молиться. Я молилась лихорадочно, безумно – Всевышнему, любому богу, некоему богу, которого я не могла определить или обрести. Я на чем свет проклинала мать, которая не дала мне никакого религиозного образования. Полная отвращения к своему собственному репрессивному католическому воспитанию, она напрочь избегала церкви в своей взрослой жизни – и вот теперь она умирала, а у меня не было даже Бога. Я молилась всей огромной вселенной и надеялась, что где-то в ней есть Бог, который меня слушает. Я молилась, молилась, а потом запинаясь. Не потому, что не могла найти Бога, но потому, что внезапно с абсолютной ясностью осознавала: Бог там, вот только он не имеет никакого намере-

⁵ Американская писательница, считается одной из родоначальниц феминизма.

⁶ Американская писательница и фотограф.

ния влиять на ход вещей или спасти жизнь моей мамы. Бог не исполняет ничьих желаний. Бог – безжалостная скотина.

В последние дни жизни мать пребывала не столько «на приходе»⁷, сколько в забытии. К тому времени она постоянно была под капельницей с морфином – прозрачным мешочком с жидкостью, которая медленно втекала по трубке, приклеенной пластырем к ее руке, в вену. Просыпаясь, она только охала. Или печально вздыхала. Она смотрела на меня, и в ее взгляде мелькала вспышка любви. А иногда снова проваливалась в сон, как будто меня вообще там не было. Порой, очнувшись, мама не понимала, где она. Требовала принести ей энчиладу⁸ и яблочный соус. Ей казалось, что все животные, которых она любила в своей жизни, находятся в палате вместе с ней – и их было очень много. Она говорила: «Эта лошадь едва не наступила на меня», – и обвиняющим взглядом искала эту самую лошадь. А порой протягивала руку, чтобы погладить невидимую кошку, лежавшую у нее на коленях. В эти моменты мне хотелось, чтобы мама сказала мне, что я лучшая дочь в мире. Я не хотела хотеть этого, но все равно хотела. Необъяснимо, словно пылая в лихорадке, которую можно было остудить только этими словами. Я даже спрашивала ее прямо: «Скажи, ведь я самая лучшая дочь в мире?»

⁷ Состояние после приема наркотических веществ.

⁸ Тортилья из кукурузной муки с начинкой.

И она говорила – *да, конечно.*

Но этого было недостаточно. Я хотела, чтобы эти слова сами складывались в мыслях мамы, чтобы она сама говорила их мне.

Я ненасытно жаждала любви.

Мама умирала быстро, но не внезапно. Как едва теплящееся пламя, чьи языки превращаются в дым, а дым – в воздух. У нее даже не было времени исхудать. В смерти она изменилась, но осталась женщиной из плоти. Это было тело женщины, принадлежавшей к миру живых. Она сохранила и свои волосы – каштановые, пусть ломкие и истончившиеся от многонедельного лежания в кровати.

Из комнаты, где она умирала, я видела одно из Великих озер – Верхнее. Самое большое озеро в мире и самое холодное. Чтобы увидеть его, приходилось потрудиться. Я сильно прижималась к стеклу щекой, и мне становилась видна его полоска, бесконечно тянущаяся к горизонту.

– Комната с красивым видом! – восклицала мать, хотя была слишком слаба, чтобы встать с постели и самой увидеть его. А потом, тише, говорила: – Всю свою жизнь я мечтала о комнате с красивым видом.

Она хотела умереть сидя, поэтому я собрала все подушки, которые сумела добыть, и сделала для нее гнездышко. Мне хотелось унести ее из больницы и усадить умирать на лугу, заросшем тысячелистником. Я укрыла ее лоскутным одея-

лом, которое привезла из дома, – тем, которое она сшила сама из кусков нашей старой одежды.

– Убери его отсюда, – яростно прорычала она и принялась пинать его ногами, пытаясь сбросить.

На улице солнце играло на боковых дорожках, отражаясь от ледяных граней снежинок. Был день Святого Патрика, и медсестры принесли маме квадратный кусок зеленого желе. Теперь оно лежало, подрагивая, на столике рядом с ней. Это оказался последний полный день ее жизни, и большую его часть она провела с неподвижными, открытыми глазами, ни спя, ни бодрствуя, и состояние ясности сознания перемежалось галлюцинациями.

В тот вечер я уехала от нее, хотя и не хотела. Медсестры и врачи сказали нам с Эдди, мол, «*вот и все*». Мне почему-то показалось, будто это значит, что она умрет через пару недель. Я верила, что раковые больные не торопятся покидать этот мир. На следующее утро собирались приехать из Миннеаполиса Карен и Пол, а через пару дней должны были прилететь родители моей матери из Алабамы. Но Лейфа по-прежнему невозможно было найти. Мы с Эдди обзванивали его друзей и родителей его друзей, оставляя умоляющие сообщения, прося его позвонить, но он так и не позвонил. Я решила на один вечер уехать из больницы, чтобы отыскать его и привезти с собой, хотя бы один раз.

– Вернусь утром, – сказала я маме. Бросила взгляд на Эдди, который полулежал рядом на маленькой виниловой ку-

шетке. – Я вернусь с Лейфом.

Услышав его имя, она распахнула глаза: голубые и сияющие, такие же, какими они были всегда. Несмотря ни на что, они не изменились.

– Как ты можешь на него не злиться? – горько спросила я ее, наверное, раз в десятый.

«Молока из камня не выжмешь», – обычно отвечала она. Или: «Шерил, ему же всего восемнадцать». Но в этот раз она только посмотрела на меня и сказала: «Милая», – так же, как в тот раз, когда я разозлилась из-за носков. Так же, как она делала всегда, когда видела, что я страдаю оттого, что хочу что-то изменить и не могу. И она пыталась убедить меня этим единственным словом, что я должна принимать вещи такими, каковы они есть.

– Мы все соберемся завтра утром, – проговорила я. – А потом все вместе останемся с тобой, ладно? Больше никто из нас не уйдет. – Я протянула руку между трубками, которые висели вокруг нее, и погладила ее по плечу. – Я люблю тебя, – сказала я, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку, хотя она отстранилась от меня: ей было слишком больно, чтобы вынести хотя бы поцелуй.

– Люблю, – прошептала она, слишком ослабев, чтобы добавить слова «я» и «тебя». – Люблю, – прошелестела она снова, когда я выходила из палаты.

Я спустилась вниз в лифте, вышла на промерзшую улицу и пошла по боковой дорожке. Миновала бар, битком на-

битый людьми, которых я видела через большое, покрытое амальгамой окно. Все они были одеты в сверкающие зеленые бумажные шляпы, зеленые рубашки, зеленые подтяжки и пили зеленое пиво. Какой-то мужчина в баре встретил мой взгляд и пьяным жестом указал на меня пальцем, лицо его исказил безмолвный хохот.

Я приехала домой, задала корму лошадям и курам и взялась за телефон. Собаки благодарно лизали мне руки, а наш кот настойчиво пытался забраться ко мне на колени. Я позвонила всем, кто мог знать, где находится мой брат. Он пьет запоем, говорили мне некоторые. Да, верно, говорили другие, он тусуется с девушкой из Сент-Клауда по имени Сью. В полночь он позвонил, и я сказала ему, что *«вот и все»*.

Когда полчаса спустя он появился на пороге, мне хотелось наорать на него, встряхнуть за плечи, пылая яростью и сыпля обвинениями. Но когда я его увидела, меняхватило только на то, чтобы обнять его и заплакать. В ту ночь он казался мне глубоким стариком и одновременно совсем юным. Впервые в жизни я заметила, что он стал мужчиной, однако единственное, что я видела перед собой, – маленького мальчика, которым он для меня был и оставался. Мой малыш, тот, которому я всю свою жизнь была второй матерью, не имея другого выхода, кроме как помогать маме, когда она должна была уходить на работу. У нас с Карен была разница всего в три года, но нас воспитывали так, как будто мы были почти близнецами, и обе мы в равной степени заботились о Лейфе,

пока были детьми.

– Я не могу этого сделать, – продолжал он повторять сквозь слезы. – Я не могу жить без мамы. Не могу. Не могу!

– Мы должны, – повторяла я, хотя и сама не верила в то, что говорила. Мы лежали рядом на его односпальной кровати, разговаривая и плача до самого утра, бок о бок, пока не провалились в сон.

Я проснулась через несколько часов. Прежде чем будить Лейфа, покормила животных и доверху загрузила сумки едой, которую нам предстояло есть во время нашего бессонного бдения в больнице. К восьми часам мы уже были на пути в Дулут, в машине нашей матери, которую вел брат. Мы ехали слишком быстро, и песня *The Joshua Tree* группы *U2*⁹ грохотала в колонках. Мы упорно слушали музыку, ничего не говоря, и низкое солнце вспыхивало яркими прорезями в снегу по обе стороны дороги.

Добравшись до маминой палаты в больнице, мы увидели на закрытой двери объявление: нам велено было сначала зайти в комнату медсестер. Такого прежде не бывало, но я подумала, что это просто какое-то процедурное нововведение. Когда мы шли по коридору, одна из медсестер подошла к нам и, прежде чем я успела вымолвить хоть слово, заговорила:

– Мы держим у нее на глазах лед. Она хотела пожертвовать нуждающимся свою роговицу, так что нам нужно продолжать держать лед...

⁹ Ирландская рок-группа.

– Что?! – воскликнула я с такой силой, что она вздрогнула.

Я не стала ждать ответа и метнулась в палату матери, брат бежал за мной по пятам. Когда я распахнула дверь, Эдди поднялся и пошел к нам с распростертыми руками, но я увернулась и бросилась к маме. Ее руки лежали по бокам, как восковые, испещренные желтым, и белым, и черным, и синим. Иглы и трубки уже убрали. Ее глаза были накрыты двумя хирургическими перчатками, набитыми льдом, их растопыренные толстые пальцы по-клоунски покрывали ее лицо. Когда я схватила ее за плечи, перчатки соскользнули. Попрыгали по кровати и свалились на пол.

Я завывала – и выла, и выла, тыкаясь лицом в ее тело, как животное. Она умерла час назад. Руки и ноги уже остыли, но в животе еще оставался островок тепла. Я прижалась к нему лицом и снова завывала.

Она снилась мне непрерывно. В сновидениях я всегда была рядом с ней, когда она умирала. Именно я должна была убить ее. Снова, и снова, и снова. Она велела мне сделать это, и всякий раз я падала перед ней на колени и рыдала, умоляя ее не заставлять меня. Но она не собиралась сжалиться надо мной, и всякий раз, как хорошая дочка, я в конечном счете подчинялась. Я привязывала ее к дереву в нашем саду и обливала бензином, а затем поджигала. Я заставляла ее бежать по проселочной дороге, которая проходила мимо нашего дома, и сбивала грузовиком. Я стаскивала ее тело, зацепивше-

еся за металлический выступ под днищем грузовика, а потом снова и снова переезжала его колесами. В этих снах не было ничего сюрреалистичного. Они казались унылыми и обыденными. Это были документальные фильмы, снятые моим подсознанием, и ощущение от них было таким же реальным, как сама жизнь. Мой грузовик был на самом деле моим грузовиком. Наш сад действительно был настоящим нашим садом. Миниатюрная бейсбольная бита стояла в нашем чулане среди зонтиков.

От этих сновидений я просыпалась не с плачем. Я просыпалась с воплем. Пол хватал меня и держал в объятиях, пока я не успокаивалась. Он смачивал холодной водой кухонное полотенце и клал мне его на лоб. Но эти влажные полотенца не могли стереть сновидений о моей матери.

Ничто не могло их стереть. И ничто не сотрет. Ничто не сможет вернуть мою маму назад, не сможет заставить меня примириться с ее уходом.

Ничто не сможет вернуть меня к ней в тот момент, когда она умерла. Это сломало меня. Это разорвало меня на части. Это полностью сокрушило меня.

Мне потребовались годы, чтобы снова занять свое место среди десяти тысяч вещей, имеющих имена. Чтобы стать той женщиной, которую воспитывала моя мать. Чтобы вспомнить, как она говорила «милая», и зримо представить себе ее особенный взгляд. Я страдала. И снова страдала. Я хоте-

ла, чтобы все случилось не так, как случилось. Это желание было дикой чащей, и я должна была найти собственный выход из этой чащи. Мне потребовалось четыре года, семь месяцев и три дня, чтобы сделать это. Я не знала, куда иду, пока не пришла туда.

Это было место, именуемое Мостом Богов.

2. Расставание

Если бы мне пришлось нарисовать карту этих четырех с лишним лет, чтобы наглядно проиллюстрировать время, прошедшее со дня смерти моей матери до того дня, когда я начала свой поход по МТХ, она представляла бы собой сплошную путаницу линий во всех направлениях, похожую на путь фейерверочной ракеты. А ее неизбежным центром была бы Миннесота. В Техас и обратно. В Нью-Йорк и обратно. В Нью-Мексико, Аризону, Неваду, Калифорнию, Орегон – и обратно. В Вайоминг и обратно. В Портленд и обратно. Снова в Портленд и снова обратно. И еще раз. Но эти линии не рассказали бы никакой истории. Эта карта показала бы все места, в которые я бежала, но не те способы, которыми я пыталась остаться. Она не показала бы вам, как в месяцы, следовавшие после смерти матери, я пыталась – безуспешно – заменить ее, пытаясь удержать нашу семью вместе. Или как я силилась спасти свой брак, одновременно обрекая его на гибель ложью. Она просто выглядела бы, как взорвавшаяся звезда, со всеми ее устремляющимися вовне яркими лучами.

К тому времени как я приехала в городок Мохаве, штат Калифорния, вечером накануне своего похода по Маршруту Тихоокеанского хребта, я «выстрелила» из Миннесоты в последний раз. Я даже сказала об этом маме, хоть она и не мог-

ла меня слышать. Я сидела на цветочной клумбе в лесу на нашей земле, там, где мы с Эдди, Полом, моими братом и сестрой смешали ее прах с землей и уложили надгробный камень, и объясняла ей, что больше меня не будет рядом, чтобы ухаживать за могилой. А это означало, что никто не будет за ней ухаживать. У меня не оставалось другого выбора, кроме как позволить ее могиле снова зарости сорняками, быть погребенной под сорванными ветром с деревьев сучьями и упавшими шишками. Предоставить ее на милость снегов, муравьев, оленей, барибалов¹⁰ и земляных ос. Я лежала на земле, смешанной с ее прахом, среди крокусов и говорила ей, что все нормально. Что я сдалась. Что с тех пор, как она умерла, все изменилось. Что случились вещи, которые она не могла бы вообразить, которые ей даже в голову не могли прийти. Слова изливались из меня тихо и мерно. Меня охватила такая печаль, как будто меня кто-то душил. Но при этом казалось, что вся моя жизнь зависит от того, произнесу ли я эти слова. *Ты всегда будешь моей матерью*, говорила я ей, *но мне нужно идти. В любом случае теперь, лежа в этой цветочной грядке, ты не сможешь больше обо мне заботиться*, объясняла я. *Я перенесу тебя в другое место. В единственное место, где я всегда смогу до тебя дотянуться. В себя.*

На следующий день я покинула Миннесоту навсегда. Я со-

¹⁰ Барибал, или черный медведь – самый распространенный вид медведя в США.

биралась пройти по МТХ.

Была первая неделя июня. Я приехала в Портленд в своем грузовичке «Шевроле» 1979 года, нагруженном дюжиной ящиков, наполненных обезвоженными продуктами и припасами для похода. Предыдущие недели я провела, собирая их, адресуя каждую коробку самой себе и надписывая названия мест, где я никогда в жизни не была. Это были остановки вдоль МТХ с говорящими названиями, такими как «Озеро Эхо» и «Содовые Ручьи», «Водопады Барни» и «Долина Сейед». Я оставила грузовик и коробки у Лизы, своей подруги, в Портленде. Ей предстояло выслать эти коробки мне на протяжении всего лета. Потом села на самолет, летевший в Лос-Анджелес. А оттуда выехала в Мохаве, сговорившись с братом другой своей подруги.

Мы въехали в городок ранним вечером, когда солнце уже зацепило краем горы Техачапи, вздымавшиеся на западе в паре десятков километров позади нас. Те самые горы, по которым завтра днем я буду идти. Город Мохаве расположен на высоте примерно 854 метра над уровнем моря. Но мне казалось, будто я нахожусь на самом дне какой-то впадины. Дорожные знаки с вывесками заправочных станций, ресторанов и мотелей здесь поднимались выше самого высокого дерева.

– Можешь высадить меня здесь, – сказала я парню, который привез меня из Лос-Анджелеса, указывая на старомодную неоновую вывеску с надписью «Мотель Уайтс». Над ней

полюхали желтым буквы «ТВ», а под ней – слова «есть свободные места», выведенные розовым. По неказистому виду здания я предположила, что это самая дешевая ночлежка в городе. Для меня – то, что надо.

– Спасибо, что подвез, – сказала я, когда мы подрулили к стоянке.

– На здоровье, – ответил он и взглянул на меня. – Ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

– Да, – ответила я с напускной уверенностью. – Я не раз путешествовала одна.

Я вышла из машины с рюкзаком на плечах и двумя огромными пластиковыми пакетами из универмага, полными разных вещей. Я намеревалась вынуть все из пакетов и уложить в рюкзак до отъезда из Портленда, но у меня не хватило на это времени. В результате пришлось так и везти пакеты с собой. А теперь я собираю все это в своем номере.

– Удачи, – сказал мой попутчик.

Я смотрела, как он уезжает. У горячего воздуха был привкус пыли, от сухого ветра волосы лезли в глаза. Парковка была вымощена крохотными белыми камушками, скрепленными цементом. Мотель – длинный ряд дверей и окон, занавешенных потрепанными гардинами. Я закинула на плечи рюкзак и подобрала с земли пакеты. Было так странно сознавать, что это – единственное, что у меня есть. Я внезапно ощутила себя беззащитной, воодушевление мое куда-то слиняло, а ведь я на него рассчитывала. Все последние полго-

да я представляла себе этот момент, но теперь, когда он настал, – теперь, когда всего десяток миль отделял меня от самого МТХ, – все казалось менее ярким, чем в моем воображении. Как будто я попала в сновидение, все мысли была жидкими и вялыми, и вперед их толкала только моя воля, а не инстинкты. *Войди внутрь*, пришлось мне приказать самой себе, прежде чем я сумела сделать шаг по направлению к рецепции мотеля. *Спроси для себя номер*.

– Восемнадцать долларов, – обронила пожилая женщина, которая стояла за конторкой. С грубой выразительностью она смотрела мимо меня, сквозь стеклянную дверь, через которую я прошла мгновением раньше. – Это если вы без спутника. За двоих – больше.

– У меня нет никакого спутника, – проговорила я и вспыхнула: только говоря правду, я чувствовала себя так, будто лгу. – Этот парень просто подвозил меня.

– Что ж, тогда – восемнадцать долларов. *Пока*, – отозвалась она. – Но если к вам присоединится спутник, придется платить больше.

– Никакой спутник ко мне не присоединится, – проговорила я ровно. Вытащила двадцатидолларовую банкноту из кармана шортов и пустила ее по конторке по направлению к ней. Она забрала мои деньги и протянула мне два доллара сдачи и карточку, которую следовало заполнить, вместе с карандашом, прикрепленным к цепочке с бусинками. – Я пешком, так что не могу заполнить тот раздел, который про ма-

шины, – сказала я, указывая пальцем на бланк. Я улыбнулась, но ответной улыбки не дождалась. – И еще... у меня на самом деле нет постоянного адреса. Я сейчас путешествую, так что...

– Впишите адрес места, куда вернетесь, – перебила она.

– Видите ли, в том-то и дело. Я не знаю точно, где буду жить после того, как...

– Тогда адрес ваших родных, – рывкнула она. – Где бы они ни жили.

– Ладно, – согласилась я и вписала адрес Эдди, хотя мои отношения с ним за четыре года, минувшие после смерти матери, стали настолько болезненными и отстраненными, что я больше не могла искренне считать его родственником. У меня не было «дома», несмотря на то что выстроенный нами дом по-прежнему стоял на своем месте. Между нами с Карен и Лейфом существовала неразрывная связь как между братом и сестрами. Но мы редко разговаривали и виделись, каждый жил своей жизнью. Мы с Полом окончательно оформили свой развод месяцем раньше, после душераздирающего года проживания порознь. У меня были любимые подружки, которых я иногда называла своей семьей. Но наши отношения были неформальными и пунктирными, более семейственными на словах, чем на деле. «Кровь гуще, чем водица», – слышала я от мамы, пока росла, – поговорка, которую я всегда оспаривала. На самом деле не имело значения, права она или нет. Из моих сложенных лодочкой ладоней оди-

наково утекли и та и другая.

– Вот, пожалуйста, – сказала я женщине, пустив бланк по скользкой поверхности конторки к ней, хотя еще пару минут она и не думала поворачиваться. Она смотрела новости, уставившись в экран маленького телевизора, стоявшего позади конторки. Вечерние новости. Что-то о судебном процессе над О. Джей Симпсоном¹¹.

– Как думаете, он виновен? – спросила она, по-прежнему глядя на экран.

– Похоже на то, но, мне кажется, говорить что-то слишком рано. Еще нет всей информации...

– Да конечно, он это сделал! – выкрикнула она.

Когда она наконец соизволила выдать мне ключ, я прошла через парковку к двери в дальнем конце здания, отперла ее и вошла внутрь, побросав свои вещи на пол и усевшись на мягкую кровать. Я была в пустыне Мохаве, но комната оказалась странно влажной, пахла мокрым ковром и линоломом¹². Белая металлическая коробка с дырками, стоявшая в углу, с ревом пробудилась к жизни – засорившийся кондиционер несколько минут выплевывал ледяной воздух, а потом выключился с драматическим грохотом, который лишь усугубил мое ощущение неуверенного одиночества.

¹¹ Бывший знаменитый американский футболист. В 1995 году был оправдан в суде по обвинению в убийстве своей жены Николь Браун Симпсон и ее любовника Рональда Гольдмана.

¹² Обеззараживающее средство.

Я подумывала о том, чтобы пойти прогуляться и найти себе «спутника». Это было так легко сделать. Предыдущие годы превратились в сплошную цепь одно-, двух- и трехразовых пересыпов. Сейчас вся эта близость с людьми, которых я не любила, казалась мне смешной и жалкой. И все же я по-прежнему жаждала простого ощущения тела, прижатого к моему, затмевающего все остальное. Я поднялась с кровати, чтобы стряхнуть эту жажду, остановить бесконечное коловращение мыслей: *Я могла бы пойти в бар. Я могла бы позволить какому-нибудь мужчине угостить меня выпивкой. Мы могли бы тут же вернуться сюда.*

А прямо за этой жаждой скрывалось побуждение позволить Полу. Он перестал быть моим мужем, но по-прежнему оставался мне лучшим другом. Как бы я ни отстранялась от него за годы, минувшие после смерти матери, одновременно я с силой опиралась на него. И посреди всех моих, в основном молчаливых, мучений по поводу нашего брака у нас бывали и хорошие времена, мы были – странно – по-настоящему *счастливой парой*.

Металлическая коробка с дырками в углу снова самопроизвольно включилась, и я подошла к ней, позволив ледяному воздуху обдуть мои голые ноги. Я была в той одежде, которую носила с момента отъезда из Портленда вчера вечером, каждая вещь была новехонькой, с иголки. Это была моя походная одежда, и я чувствовала себя в ней немного чужой – человеком, которым пока еще не стала. Шерстя-

ные носки под парой кожаных походных ботинок с металлическими застежками. Темно-синие шорты с внушительными карманами, которые застегивались на липучку. Трусы, изготовленные из специальной быстросохнущей ткани, и простая белая футболка поверх спортивного лифчика. Они были в числе множества вещей, на которые я копила деньги всю зиму и весну, отработывая как можно больше смен в ресторане, где обслуживала столики. Когда я их покупала, они не казались чужими. Несмотря на мое недавнее погружение в нервную городскую жизнь, меня с легкостью можно причислить к тем, кого называют заядлыми любителями свежего воздуха. В конце концов, в отрочестве я жила в почти первобытных условиях северных лесов Миннесоты. Наши семейные каникулы всегда включали ту или иную форму походов. Такими же были и поездки, которые я предпринимала сама – вместе с Полом, или одна, или с друзьями. Сколько раз я спала на заднем сиденье своего грузовичка, ставила палатку в национальных парках и лесах – не счесть! Но теперь, здесь, имея под рукой только эту одежду, я внезапно почувствовала себя мошенницей. За полгода, прошедшие с тех пор, как я решила отправиться в поход по МТХ, я минимум с десятков раз вела разговоры, в которых объясняла, почему поход – отличная идея и насколько хорошо я подготовлена к тому, чтобы выполнить эту задачу. Но теперь, оказавшись в одиночестве в своем номере в мотеле «Уайтс», я поняла: невозможно отрицать тот факт, что я ступила на зыбкую почву.

– Может быть, для начала тебе следовало бы попробовать поход покороче, – предположил Пол, когда я рассказала ему о своем плане во время одного из наших разговоров на тему «оставаться вместе или все-таки развестись», состоявшегося несколько месяцев назад.

– Почему? – спросила я раздраженно. – Ты что же, думаешь, что я не справлюсь?

– Дело не в этом, – ответил он. – Просто ты никогда не ходила в поход с рюкзаком, насколько я знаю.

– Нет, ходила! – рявкнула я в ответ, хотя он был прав: такого еще не было. Несмотря на все, что я прежде проделывала и что казалось мне таким близким к пешим походам с рюкзаками, на самом деле я никогда не ходила по безлюдной местности с рюкзаком за плечами, ни разу не ночевала там. Ни единого раза.

Я ни разу не ходила в поход с рюкзаком! – подумала я сейчас с каким-то унылым весельем. Я вдруг по-новому взглянула на свой рюкзак и оба пластиковых мешка, которые волокла с собой из Портленда; в них лежали вещи, которые я до сих пор не вынула из заводской упаковки. Мой рюкзак был цвета лесной зелени с черной отделкой; его основная часть состояла из трех больших отделений, на которые были нашиты толстенные карманы из сетки и нейлона, торчавшие по обе стороны рюкзака, как большие уши. Он стоял сам по себе, поддерживаемый «уникальной пластиковой по-

лочкой», выступавшей вдоль его дна. То, что он стоял вот так, прямо, не заваливаясь на бок на остальные свертки, послужило мне небольшим, странным утешением. Я подошла к нему и легонько коснулась его верхушки, будто гладила по голове ребенка. Месяц назад мне настоятельно посоветовали упаковать свой рюкзак именно так, как я собираюсь сложить его на время похода, и вывести его на пробную прогулку. Я хотела провести пробный поход до отъезда из Миннеаполиса, потом решила сделать это, когда приеду в Портленд. Но так и не сделала. Так что эта пробная прогулка состоится завтра – в первый день моего похода.

Я сунула руку в один из пластиковых пакетов и вытащила оттуда оранжевый свисток, на обертке которого было хвастливо написано «самый громкий в мире». Вскрыла упаковку, вытянула из нее свисток за желтый шнурок, потом повесила его себе на шею, как спортивный тренер. И что же, мне придется весь поход носить его вот так, на себе? Пожалуй, это глупо. Покупая «самый громкий в мире свисток», я не продумала все до конца – как и в случае со всеми остальными приобретениями. Я сняла его и привязала к раме рюкзака, так что ему предстояло болтаться у меня над плечом, когда я выйду на маршрут. Оттуда его будет легко достать, если понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.